

Глава первая

ТЕКСТ КАК ОБЪЕКТ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Грамматические аспекты текста

Текст в настоящее время выступает в качестве полноправного объекта лингвистических исследований. Лингвистика, сделав текст предметом своего рассмотрения, как бы возвела его в статус языковой единицы наряду со словом, словосочетанием, предложением.

Обычно необходимость обращения к отрезкам, большим, чем предложение, и к целому тексту связывают с внутренними закономерностями развития теории синтаксиса. Однако причины данного явления не сводятся только к этому. Они связаны также с обращением к исследованию содержательной стороны языковых единиц, с развитием общей лингвистической семантики. В связи с этим, вероятно, не случайным является тот факт, что в период интенсивной разработки вопросов синтаксиса необходимость обращения к тексту по существу только постулировалась, а фактическое обращение к проблеме текста совпало с периодом широкого развертывания семантических исследований на всех уровнях языковой системы. Необходимость обращения к текстовой проблематике является объективным и закономерным явлением, базирующимся на всеобщей связи и взаимодействии языковых единиц в процессе их функционирования.

Результатом этого взаимодействия является то обстоятельство, что при определении содержательной стороны языковых единиц одного уровня требуется обращение к единицам более высокого уровня вплоть до текста, представляющего собой предельную единицу на знаковом уровне. Все это делает необходимым при решении семантических вопросов учитывать сферу употребления, функционирования языковых единиц, т. е. текст. Но означает ли это, что сам текст является языковой единицей?

Если текст является языковой единицей, то он должен обладать такими же формальными характеристиками, выделяющими его как целостное дискретное образование из общего речевого потока, какими обладают другие языковые единицы. Другими словами, должны существовать какие-то объективные критерии, позволяющие определять границы текста.

Вопрос о признаках, выделяющих текст как самостоятельную единицу, является принципиальным, так как от его решения зависит определение текста, постановка задач и выбор методов исследования. Отсутствие достаточно общего и однозначного подхода к этому вопросу в настоящее время приводит к тому, что под текстом понимается как одно предложение, так и некоторая их совокупность, образующая целостные единства внутри более сложного целого, а также само это целое. Текстом также может быть вся совокупность высказываний, представляющая собой открытую систему, не имеющую границ.

Особенно актуальным этот вопрос является для лингвистики текста — дисциплины, которая ставит своей задачей выявление общих закономерностей, касающихся текста в целом. При этом текст понимается как языковая единица.

В связи с этим, например, Л. С. Бархударов считает, что текст, являясь единицей языка, представляет собой то общее, что лежит в основе отдельных конкретных текстов, т. е. схемы построения или «формулы» строения текста. В связи с этим задача лингвистики текста определяется им как выявление и установление этих «схем» или «формул», т. е. правил текстообразования (Бархударов 1974). Задачу лингвистики текста в установлении правил текстообразования видит Б. А. Маслов (Маслов 1975). Текст понимается как «абстрактная единица языка наивысшего уровня» И. Т. Гальпериным (Гальперин 1977). При этом правила текстообразования трактуются как синтаксические закономерности построения текста из предложений, что составляет «высший синтаксис, который следует за учением о простом и сложном предложении» (Севбо 1969, 9).

В связи с этим вводится понятие «грамматика» текста. Л. Г. Фридман считает, что одним из основных аспектов исследования единиц больших, чем предложение, является грамматический аспект, заключающийся в установлении грамматических признаков подобных образований, позволяющих рассматривать их как грамматические, синтаксические единицы и характеристики этих единиц. Грамматика текста, по его мнению, должна обеспечивать рассмотрение единиц разных уровней в их взаимосвязи, взаимообусловленности и взаимодействии и включается в общую грамматику как один из ее разделов (Фридман, 1979).

В. И. Карабан выделяет грамматику текста в самостоятельное направление, противопоставляя его лингвистике текста в целом. Такая грамматика текста, по его мнению, в отличие от лингвистики текста, имеет конкретную цель, заключающуюся в полном описании и объяснении языковой способности носителя языка. Достигается эта цель в результате решения ряда задач, связанных, главным образом, с выделением

связанных цепочек предложений, представляющих собой текст, структурным описанием текста, определением межфразовой и глобальной связности текста (Карабан 1979).

При определении грамматики текста существует два основных подхода. В первом случае эта грамматика понимается практически в буквальном значении этого выражения, во втором — этот термин носит скорее условный характер. Это различие выражается в подходе к выделению основных структурных единиц текста. Как в первом, так и во втором случае основной такой единицей является некоторый отрезок текста, включающий в себя последовательность связанных между собой предложений. Обычно такая единица называется сверхфразовым единством (СФЕ), сложным синтаксическим целым (ССЦ) и т. п.

В качестве характерных особенностей сверхфразовых единств чаще всего указывается их структурная целостность, самостоятельность, независимость от контекста, спаянность составляющих их частей. Обычно СФЕ определяется как цепь предложений, объединенных общностью значения, определенными синтаксическими и интонационными связями и образующих относительно независимые от контекста смысловые единства (Серкова 1968), группа тесно взаимосвязанных по смыслу и синтаксически предложений, выражающих более полное по сравнению с отдельным предложением развитие мысли (Солганик 1973), а также как «качественно особая целостная единица, обладающая своими специфическими делимитационными, структурными и смысловыми признаками» (Фридман 1979).

В основе выделения сверхфразовых единств лежит представление о связности текста, которая имеет различные способы своего выражения, выступающие в качестве признаков связности. Эти признаки могут быть грамматическими, лексическими и интонационными.

Преимущественное использование тех или иных видов средств связности для выделения сверхфразовых единств определяет различие подходов к грамматике текста. Использование собственно грамматических средств связности было характерно для ранних работ в области лингвистики текста. Так, например, И.А.Фигуровский распространяет на связь предложений внутри текста те средства связи, которые существуют внутри сложного предложения. Более сложные средства связности грамматического типа в настоящее время выделяют Б. А. Маслов (Маслов 1975), Фридман (Фридман 1979).

Одним из основных грамматических средств связности здесь является видовременная соотнесенность предложений.

Основная гипотеза подхода, выдвигаемого Б. А. Масловым, заключается в том, что «предложения в тексте не просто пространственно соположены, связаны друг с другом только по смыслу. В тексте имеются формальные ограничения на сочетаемость предложений. При этом грамматическое оформление элементов структуры предложения детерминировано позицией» (Маслов 1975, 54).

При выделении сверхфразовых единств автор исходит из характера оформленности элементов предложения по грамматическим категориям наклонения, времени, вида, рода, числа и падежа. Оказывается, что в предложениях некоторые категории могут варьироваться, т. е. одна и та же ядерная структура предложения позволяет использовать разные формы наклонения, времени, вида и т. д. В этом случае данные категории называются свободными. Но могут существовать ограничения в выборе той или иной формы в данном предложении, т. е. ядерная структура предложения допускает только одну форму или наклонения, или времени и т. д. Эти категории считаются связанными.

В результате каждое предложение имеет совокупность свободных и связанных категорий, которые свободно могут быть определены для изолированного предложения. Но для предложения, находящегося в составе текста, характер свободных и связанных категорий зависит не только от ядерной структуры предложения, но и от окружающих предложений. Оказывается, что предложения связаны между собой в зависимости от оформленности их элементов по какой-либо категории или даже по нескольким категориям. Маслов приводит следующий пример: «Девочка лежит. Она читает книгу». Оформленность по категориям наклонения, времени, рода и числа во втором предложении диктуется оформленностью по этим же категориям элементов первого предложения. Автор отмечает, что не всегда первое предложение непременно отражает характер второго. Возможно и обратное соотношение. Также могут взаимодействовать предложения, не стоящие рядом. Все связанные между собой предложения принадлежат к одному единству. Там, где кончается связь между грамматическими категориями отдельных предложений, располагается граница сверхфразового единства.

А. А. Леонтьев выделяет следующие грамматические признаки связности предложений, характерные для разных языков: 1) синтаксический параллелизм; 2) синтаксическое свертывание исходного предложения при полном или частичном воспроизведении основного содержания; 3) синтаксическое усечение предложений по определенным правилам при комплементарности его содержания содержанию исходного предложения (Леонтьев 1979).

Наиболее распространенным и основным подходом к выделению сверхфразовых единств является использование лексических и лексико-грамматических средств связности. К ним относится лексический повтор, местоименные и синонимические замены, союзы, относительные слова и т. п. Не являясь грамматическими средствами на уровне

предложения, они тем не менее составляют грамматику текста в силу их формальности и универсальности. На основе этих средств связности в тексте образуются различные виды связи, которые можно различным способом классифицировать. Так, например, Г. Я. Солганик выделяет два основных вида связи: цепная связь и параллельная. Они выводятся автором из анализа связи суждений, с которой он отождествляет «движение мысли» в тексте. Именно это движение мысли, по мнению Г. Я. Солганика, связывает суждения в единое целое. «Формальным, структурным выражением этой связи является повтор — переход предиката предыдущего суждения в субъект последующего... Такую связь можно назвать цепной» (Солганик 1973, 31). В том случае, когда при одном и том же субъекте имеются разные предикаты, имеет место параллельная связь, где один и тот же субъект характеризуется с разных сторон. Здесь формальным показателем связности является повтор субъекта в соседних суждениях.

Цепные связи классифицируются по структурной соотнесенности предложений («дополнение — подлежащее», «дополнение — дополнение» и т. д.), т. е. по тому, какие члены предложения соотносятся между собой, образуя своеобразные модели, и по способу выражения, «наполнения» этих моделей. В связи с этим выделяется цепная связь, выражающаяся в лексическом повторе, а также синонимическая и местоименная цепная связь.

Параллельные связи классифицируются по типу сверхфразовых единств, которые они образуют. Выделяются: параллельные СФЕ в «чистом виде», повествовательные СФЕ, анафорические СФЕ и др.

Таким образом, основной структурной единицей текста лингвистика текста считает сверхфразовое единство, образующееся из совокупности предложений, связанных между собой тем или иным типом связи, имеющей формальное выражение в виде некоторых грамматических, лексических и др. категорий. Границей такого единства в общем виде можно считать разрыв или ослабление связи между некоторыми предложениями.

Довольно распространенным является представление, что собственно конституирующими признаками обладает только сверхфразовое единство, текст же — совокупность таких единств, не обладающая набором собственных признаков. Так, например, Л. Г. Фридман считает, что «можно говорить не о структуре целого текста, а лишь о структуре отрезков внутри него. Целый текст представляет собой не что иное, как совокупность его структурированных отрезков» (Фридман 1979). Поэтому в лингвистике текста на этом основании часто исследование текста сводится к исследованию его отрезков, сверхфразовых единств, считая, что закономерности их строения и функционирования справедливы и для целого текста.

Тем не менее, несмотря на то, что такие единства характеризуются вполне конкретным набором признаков, определение их границ, как показывает анализ, связано со значительными трудностями.

Касаясь этого вопроса, С. И. Гиндин выделяет два основных, существенных признака, определяющих границы СФЕ: 1) синтаксическая самостоятельность и законченность, которую такое единство сохраняет при извлечении из контекста; 2) особый присоединительный характер связей между предложениями, входящими в синтаксическое единство. Дальнейшие поиски определения границ СФЕ, по его мнению, сводились к попыткам уточнения и развития этих двух признаков. Первый из них обычно пытались уточнить с помощью разделения предложений на зависимые (синсемантические) и независимые (автосемантические). Считалось, что СФЕ должно содержать автосемантическое предложение (и даже начинаться им) и все зависимые от него — синсемантические. Однако поскольку показатели синсемантии (союзы, субституты) весьма многочисленны, то каждый из них в отдельности уже по своей частоте недостаточен для регулярного выделения СФЕ, а в случае присутствия в тексте нескольких показателей области их действия могут не совпадать, из-за чего порядок объединения предложений в СФЕ становится неочевидным. Что же касается второго признака, то, как отмечает С. И. Гиндин, он также «не обеспечивает регулярного формирования и обнаружения СФЕ» (Гиндин 1974, 352).

В связи с этими трудностями дальнейший поиск признаков границ сверхфразовых единств идет, с одной стороны, по пути поиска таких единств, которые характеризуются большей формальностью и однозначностью выделения, с другой стороны, наоборот, по пути использования смысловых, содержательных характеристик.

В первом случае происходит обращение к абзацу как единственно реальной сверхфразовой единице. Эту точку зрения разделяют Л. Г. Фридман, Б. А. Маслов и др.

Л. Г. Фридман аргументирует необходимость считать абзац структурной единицей текста следующим образом. Границы каждой синтаксической единицы, по его мнению, должны быть четко определены и маркированы определенными формальными показателями. В то же время он считает, что границы сверхфразовых единств не только не определены, но по существу вообще не могут быть названы, о чем свидетельствует тот факт, что одни авторы считают, что сверхфразовое единство может представлять собой часть абзаца, целый абзац или даже несколько абзацев. Другие утверждают, что СФЕ может быть меньше абзаца или совпадать с ним, но никогда не выходит за

пределы абзаца. По его мнению, только абзац обладает релевантными признаками, конституирующими его как сверхфразовую синтаксическую единицу.

Абзац, действительно, однозначно выделяется в самостоятельную единицу, поскольку признаком его границы служит такой формальный признак, как красная строка. Но является ли он единственной реальной суперсинтаксической единицей, остается неясным.

Трудности выделения сверхфразовых единств на основе формальных критериев приводят к необходимости перестановки акцентов при выборе средств, маркирующих эти единства. На первый план выдвигаются те признаки, которые были как бы сопутствующими, дополнительными на фоне формальных средств. Происходит обращение к смысловой, содержательной стороне синтаксических единств. При этом сущность подхода к самим этим единствам не меняется. Смысловой аспект необходим именно для вычленения сверхфразовых единств, определения их границ на содержательном уровне.

Считается, что границы сверхфразовых единств определяются законченностью их смыслового содержания. Законченность смыслового содержания часто связывается с наличием темы. Поэтому сверхфразовое единство начинает определяться как законченный отрезок повествования, причем законченность представляется единством темы. Считается, что верхней границей единства является какое-то тематическое предложение, которое синтезирует содержание этого отрезка. Его развитие составляет единство.

Характерно, что ни понятие темы, ни смысла, ни содержания не раскрывается, не определяется, в связи с чем можно предположить, что при выделении единств следует опираться на интуитивное представление об этих понятиях. Попытки как-то уточнить, формализовать эти явления сводятся опять к тем же средствам связности. Так, например, Г. В. Бондаренко, пытаясь уточнить представление о теме, обращается к такому средству связности, как лексические повторы. Она считает, что повторы — одно из основных средств выражения темы промежуточных единиц. В связи с этим границы сверхфразовых единств определяются как законченность «области действия» лексических повторов, «как средства связности» (Бондаренко 1976, 6).

Обращение к интуитивному представлению о смысловом единстве входит в противоречие с общей тенденцией лингвистики текста опираться на формальные средства конституирования суперсинтаксических единств. Это вызывает известную неудовлетворенность некоторых исследователей. Так, Маслов, например, считает, что «понятие «смыслового единства» является очень зыбким, неустойчивым, во многом субъективным, поэтому оно не может быть положено в основу выделения СФЕ. Единства, выделенные таким методом, будут не чем иным, как смысловыми блоками, выделенными по произволу того или иного исследователя, анализирующего текст. При этом при вычленении подобных смысловых блоков, или «макросем», можно руководствоваться лишь собственной интуицией» (Маслов 1975, 27).

Дело, конечно, не только в том, что смысловой аспект суперсинтаксических единиц связан с интуитивным подходом к их выделению. Главное заключается в том, что это не является специфическим признаком для такого рода единиц. Понимание смысла какого-либо отрезка возможно в контексте целого текста, исходя из понимания его содержания, его темы. Темы отрезков не существуют отдельно, изолированно, сами по себе. Они всегда выступают в роли подтем, микротем, развивающих общую тему целого текста. Поэтому введение семантического аспекта подрывает идею автономности сверхфразовых единств.

Это положение подтверждается различными фактами, в том числе и работами, посвященными проблеме выделения сверхфразовых единств. В этом отношении характерна работа Г. В. Бондаренко, где ставится практическая задача компрессии текста за счет выделения «тем» сверхфразовых единств, решаемая на массиве текстов рефератов. Для выделения таких тем используются лексические повторы.

Анализ текстов показывает, что «линии поведения» повторов (а следовательно, и темы, выраженные этими повторами) обычно переплетаются. Это делает необходимым выделить два типа повторов: концентрированные и пунктирные. Они характеризуются автором следующим образом. «Концентрированные» — это такие темы, которые хотя бы на одном участке текста соединяют несколько предложений подряд. «Пунктирные» темы, напротив, встречаются, может быть, и на протяжении всего текста, но лишь в отдельных, расположенных дистантно, предложениях. «Концентрированные» темы автор связывает с наиболее важными, существенными элементами текста, поэтому сосредоточивает внимание на этом типе повторов. В это же время она отмечает, что «даже на небольшом отрезке текста может взаимодействовать сравнительно много различных тем, которые как бы «конкурируют» между собой. Кроме того, отмечается, что они имеют различную протяженность в числе предложений. Все это свидетельствует о том, что в основе этих явлений лежат более сложные закономерности, чем просто формальные средства связности предложений. Следует считать, что эти закономерности касаются текста в целом и имеют преимущественно психологический характер. Поэтому определение признаков, выделяющих текст как единицу, должно осуществляться на уровне целого текста, а не его составляющих.

В работах, рассматривающих текст в целом, проблема его границ трансформируется в проблему завершенности. Это объясняется тем, что на уровне целого текста неизбежен переход от формально-структурных категорий к категориям содержательным, смысловым. На первый план выступают такие понятия, как интеграция, целостность и др.

Если для «грамматического» направления существенными являются связи внутри сверхфразовых единств между отдельными предложениями, а связь самих этих единств в рамках текста, как правило, не рассматривалась, то при целостном подходе к тексту именно эта связь является основной, доминирующей. В результате связи частей текста между собой создается его целостность, являющаяся одной из основных его характеристик. Такую связь, приводящую к целостности текста, И. Р. Гальперин называет интеграцией.

Он считает, что интеграция, «связывая отдельные сверхфразовые единства в единое целое, нейтрализует относительную автосемантию этих частей и подчиняет их общему содержанию произведения». Понятие интеграции противопоставляется им понятию когезии. «Когезия — это формы связи — грамматические, семантические, лексические — между отдельными частями текста, определяющие переход от одного контекстно-вариативного членения текста к другому. Интеграция — это объединение всех частей текста в целом для достижения его целостности. Интеграция может достигаться средствами когезии, но может строиться и на ассоциативных и пресуп-позиционных отношениях» (Гальперин 1980, 512).

В связи с этим И. Р. Гальперин видит различие между этими понятиями в том, что когезия — это категория логического плана, а интеграция — скорее психологического. Углубляя данное противопоставление, он отмечает, что если когезия регулируется в синтагматическом разрезе, то интеграцию можно представить себе как парадигматический процесс. Поэтому можно считать, что когезия — линейна, интеграция — вертикальна (Гальперин 1980).

Процесс интеграции, обеспечивая целостность текста, тем самым стремится к его завершенности.

Целостность как фундаментальное свойство текста рассматривается А. А. Леонтьевым. Он считает, что в отличие от связности, которая реализуется на отдельных участках текста, цельность — это свойство текста в целом. «В противоположность связности цельность есть характеристика текста как смыслового единства, как единой структуры, и определяется на всем тексте. Она не соотносима непосредственно с лингвистическими категориями и единицами и имеет психолингвистическую природу. Суть феномена целостности... в иерархической организации планов речевого высказывания, используемых реципиентом при его восприятии» (Леонтьев 1979, 12).

В отличие от И. Р. Гальперина, связывающего завершенность с интеграцией, а значит с целостностью, А. А. Леонтьев предлагает отличать цельность текста от его завершенности. Он считает, что законченность является предпосылкой цельности, но не исчерпывает ее полностью. Кроме того, она не определяется через интенцию говорящего, а только через ее функциональное использование реципиентом. «Не тот текст целен, который целен для говорящего (в конечном счете для него любое высказывание субъективно выступает как цельное), а тот, который целен для воспринимающего» (Леонтьев 1979, 12).

Г. В. Колшанский, отмечая, что «грамматический» подход «наталкивается на почти непреодолимые трудности» при определении границ текста, предлагает опираться на коммуникативные параметры текста, которые «связаны с исследованиями информативной, следовательно смысловой, стороны текста» (Колшанский 1978, 27).

Развивая свою точку зрения, Г. В. Колшанский утверждает, что только предложение является структурно законченной единицей. Любое же сочетание предложений в тексте не может иметь признаков структурной законченности. Поэтому нужны другие дифференциальные признаки, лежащие в плоскости семантики. «Формирование любого текста должно строиться на элементарных структурных единицах — предложениях, а коммуникация, использующая предложения, должна приобретать уже совершенно другие признаки соответственно этому уровню, т. е. другими словами, уровню не структурного, а смыслового образования» (Колшанский 1978, 30). В связи с этим выделяются два типа признаков. Первым признаком коммуникативной цепочки является количественный признак — наличие множества предложений, составляющих коммуникативный фрагмент, объединенный тематическим сюжетом. Но этот признак не является достаточным для выделения текста, «т. к. любой коммуникативный континиум не имеет внутри себя ясных границ, которые соответствовали бы признаку законченности сообщения» (Колшанский 1978, 31). Поэтому этот признак, по мнению автора, должен быть дополнен признаком, связанным с логическими параметрами определенного отрезка. К этим параметрам можно отнести самостоятельные звенья цельного рассуждения в пределах какой-либо темы. Эти звенья рассуждения представляют собой этапы дискурса, строящегося на сцеплении высказываний в описательном плане какой-либо темы или на законченности определенного рассуждения по какому-либо вопросу (исходные посылки — выведение всех следствий с формированием определенного вывода).

Таким образом, решение задачи выделяемости текста, а вместе с тем и его основных признаков, на уровне целого текста, а не его частей — суперсинтаксических единиц — переводит всю эту проблему в совершенно иную плоскость. В связи с этим ведущими

признаками текста становятся не грамматические показатели связности, а такие его свойства, как целостность, интегративность, завершенность, которые, как показывает анализ, имеют смысловой, содержательный характер, что определяет их как психологические, речевые, коммуникативные явления.

Отсюда необходимо сделать вывод о том, что формальные признаки не являются определяющими для текста, поскольку оказываются недостаточными для его выделения как самостоятельной единицы. Это значит, что текст — это единица не языковой системы, а речевой, коммуникативной. Он обладает своими собственными закономерностями строения и функционирования, отличными от языковых единиц, хотя и состоит из них.

Текст как речевая единица

Относя текст к речи и противопоставляя его языковым единицам, мы тем самым противопоставляем речь системе языка, что соответствует представлениям о дихотомии языка и речи, берущим начало от Ф. де Соссюра. Между тем в последнее время появилась тенденция считать, что такая дихотомия не существует.

Сомнение в необходимости разделения языка и речи вызывается более широким пониманием задач лингвистики и предмета ее исследования, в результате чего язык начинает рассматриваться не только как знаковая система, а также как средство коммуникации и мышления. Коммуникация же осуществляется в речи, где язык служит средством построения сообщения. Следовательно, одно не существует без другого. На этом основании делается вывод, что нет причин для разделения языка и речи как двух разных «вещей», а потому предмет лингвистики должен быть единым.

Это положение дополняется критикой тех противоречий, которые содержатся в концепции Ф. де Соссюра, в частности тех признаков, по которым он противопоставляет язык и речь. Как известно, это противопоставление осуществляется по признакам системности и несистемности, социальности и индивидуальности, существенности и побочности и т. п.

Анализируя эти признаки, многие исследователи приводят к выводу, что они не являются релевантными, так как речи также свойственна системность, нормативность, социальность. Так, например, Б. А. Серебренников считает, что если речь — техника, преобразующая системно организованный язык в средство общения, то сама техника неизбежно должна подчиняться системности, так как в противном случае будет создано нечто совершенно бессистемное и непригодное для общения. Социальный аспект речи, с точки зрения Б. А. Серебренникова, заключается в том, что речевое общение происходит в условиях отдельных типических ситуаций. «Говорящий на определенном языке должен знать, как следует правильно выразиться, правильно построить свою речь в данном конкретном случае. Таким образом, в каждом типическом случае создается своеобразная модель языкового выражения, своя микросистема, имеющая значение для данного случая» (Серебренников 1977, 41).

Нерелевантность признаков, выдвинутых Ф. де Соссюром для противопоставления языка и речи, и необходимость изучения обоих этих явлений в рамках лингвистики, однако, не означает, что они тождественны. В связи с этим устанавливается комплекс других признаков, свидетельствующих если не о их противопоставленности, то о существенных различиях между ними. К этим признакам относится целенаправленность и ситуативная привязанность речи в отличие от языка (Звегинцев 1977), творческий аспект речи, проявляющийся в изменении языковых знаков, создании новых знаков, в употреблении знаков в целях наилучшей коммуникации (Савченко 1977), различная нормативность языка и речи, которая в речи не закреплена в виде фиксированных правил и ограничений, а существует в виде имплицитной тенденции (Акуленко 1977), информативность речи (Гальперин 1977) и др. Язык и речь различаются также по способу означивания. Если в языке означивание осуществляется по семиотическому принципу, то в речи — по семантическому (Бенвенист 1974).

Наиболее существенные различия языка и речи, как можно предположить, заключаются в разных принципах устройства этих двух систем.

В функциональном отношении язык представляет собой средство построения сообщений, причем такое, что позволяет строить бесконечное количество любых сообщений. Сам язык не содержит сообщений, а следовательно, информации о действительности. Он состоит из дискретных единиц различных уровней, находящихся в отношении иерархии друг к другу. Эти единицы по определенным правилам отбираются и выстраиваются в линейную последовательность, составляющую высказывание, сообщение. Правила такого отбора и синтеза основаны на определенных стереотипах, а потому, если они усвоены, действуют автоматически, т. е. так, что не требуют понимания. Поэтому можно считать, что они формальны. Стереотипность грамматических правил обеспечивает необходимую скорость подачи сигналов на выходе, что обеспечивает нормальный темп речи, а также разгружает внимание, которое в значительной степени за счет этого может

быть направлено на смысловую обработку сообщения. Результатом формальности языка является то, что он может порождать любые, в том числе и неосмысленные конструкции, что неприемлемо для интеллекта, воспринимающего только осмысленную информацию.

Для построения осмысленных сообщений формальные правила языка оказываются недостаточными. Для этого требуется специальное речевое управление, которое осуществляется на уровне отбора слов на основе замысла речи (Жинкин 1982). Замысел не формальное, а содержательное, смысловое образование. Он базируется на представлении о том фрагменте действительности, который является предметом сообщения. Именно знание о специфике предмета сообщения диктует отбор и синтез языковых средств, что составляет специфические речевые закономерности, существующие не в виде формальных правил, а в виде некоторого знания, опыта, вырабатываемого в процессе коммуникации. В этом отношении различие языка и речи довольно наглядно иллюстрирует Н. И. Жинкин на примере усвоения языка ребенком.

Как известно, ребенок овладевает языком довольно рано. Сформированная в его интеллекте универсальная модель языка обеспечивает обозначение любого предмета действительности. Казалось бы, теперь он может говорить о чем угодно. Но этого не происходит. Оказывается, такая модель не является еще достаточной основой для выработки сообщений о действительности. Ребенок не знает, как подобрать слова к тому, что он хочет сказать, как связать одно предложение с другим и т. д., поскольку в языке нет правил ни того, ни другого.

Все это позволяет сделать вывод, что язык и речь имеют существенные различия, что делает необходимым рассматривать их как разные явления. В то же время они оказываются взаимообусловленными и взаимосвязанными друг с другом. Поэтому, несомненно, язык и речь как предмет лингвистики должны рассматриваться в единстве, но такое единство «не есть ни тождество, ни разрыв» (Слюсарева 1977).

Текст довольно часто отождествляется с письменной речью. Если принять эту точку зрения, то следует выделить некоторые особенности текста, отличающие его от устной речи. Эти особенности определяются характером коммуникативной ситуации, в которой он участвует. Необходимость создания текста детерминирована потребностью общения, в связи с чем он, как и всякий речевой акт, ориентирован на понимание определенным партнером по коммуникации. Но если в случае устной речи партнер, как правило, является конкретным лицом, непосредственно включенным в ситуацию общения, то при создании текста такой партнер является предполагаемым. При этом имеет место отсроченность восприятия, что исключает непосредственную обратную связь между партнерами по коммуникации, а также применение паралингвистических средств, характерных для устной речи и способствующих лучшему ее пониманию. Все это приводит к необходимости предварительной подготовленности текста, заключающейся в особом отборе его элементов и более развернутой и четкой их организации. Но предварительной подготовленностью характеризуются также и такие, например, виды устной речи, как лекция, доклад и др. В этом отношении их, очевидно, также следует считать текстом, хотя они и сохраняют некоторые особенности устной речи.

Результатом предварительной подготовленности текста является то, что он, в отличие от устной речи, характеризуется большей развернутостью, последовательностью, связанностью, законченностью. Можно считать, что эти признаки текста являются теми общими признаками, которые характеризуют его как основную единицу коммуникации. При этом некоторые из них относятся преимущественно к внешней его форме, другие — к внутренней. В связи с этим, прежде чем рассмотреть эти признаки, необходимо остановиться на соотношении внешней и внутренней формы текста.

Предварительная подготовленность текста предполагает наличие коммуникативной задачи, определяющей необходимое воздействие на партнера по коммуникации. Коммуникативная задача управляет процессом формирования замысла, который представляет собой целостное интеллектуальное образование, моделирующее в свернутом виде содержание будущего текста. Замысел управляет отбором языковых средств, необходимых для его реализации. При этом языковые средства отбираются и организуются таким образом, чтобы их декодирование в процессе понимания приводило к формированию конкретного и целостного образа содержания, соответствующего замыслу. Совокупность языковых средств вместе с их содержательной стороной, поставленная в соответствие замыслу, составляет внешнюю форму текста. Внешняя форма — это то, что дано непосредственному восприятию. О замысле можно судить только в результате осмысления языковых единиц и понимания текста в целом. То, что понимается, составляет внутреннюю форму текста. Это мыслительное образование, которое формируется в интеллекте партнера по коммуникации и соотносится с внешней формой не поэлементно, а в целом соответствует всей совокупности данных языковых средств. Внутренняя форма имеет свою структуру, поскольку ее элементы находятся в определенных отношениях между собой. Эти отношения реализуются как бы в разных плоскостях. Одну из таких плоскостей образуют отношения подчиненности, или иерархии. Это означает, что элементы внутренней формы неравнозначны относительно друг друга. Среди них можно выделить главный объект, или предмет, т. е. то, о чем говорится в тексте. Главный предмет может

быть раскрыт только через его отношения с другими предметами. Некоторые из них относятся к главному предмету непосредственно. Они являются наиболее существенными, значимыми элементами, так как представляют собой определенные аспекты, в которых рассматривается главный предмет. Другие же предметы раскрывают эти аспекты и непосредственно связаны с ними, а не с главным предметом, с которым они соотносятся опосредствованно. При этом может существовать несколько уровней таких опосредствованных отношений главного предмета с другими предметами, через которые он получает свое описание.

Совокупность наиболее существенных элементов внутренней формы, включая главный предмет, образует тему текста. Тема — это свернутое содержание, которое сопоставимо с замыслом. Она формируется на одном из этапов понимания текста. Хотя тема может и не совпадать полностью с замыслом, тем не менее в определенной степени она эксплицирует его. Будучи сверткой, тема всегда может быть развернута в полный связный текст, внутренняя форма которого по своей структуре должна быть близкой к внутренней форме исходного текста, несмотря на различия их внешних форм. Такая содержательная близость этих текстов является критерием правильности выделения темы, а значит и замысла автора.

Рассмотрев в общих чертах соотношение внутренней и внешней формы текста, вернемся к характеристике его общих признаков.

Развернутость текста. Как уже было сказано, при порождении текста автор ориентируется на его понимание партнером по коммуникации. Он заинтересован в том, чтобы его замысел был адекватно декодирован, что предполагает однозначность понимания. Одним из условий однозначности понимания является конкретность описания главного предмета. Описание главного предмета является конкретным, если на его основе возникает целостный образ этого предмета. Целостность такого образа зависит от степени раскрытия системы непосредственных и опосредствованных отношений главного предмета с другими предметами, участвующими в его описании.

Все это предполагает необходимую степень развертывания замысла, которое осуществляется как на содержательном уровне, так и на уровне языковых средств, составляющих внешнюю форму текста. На содержательном уровне развернутость находит выражение в количестве непосредственных отношений главного предмета с другими предметами, выступающими в роли аспектов его описания, которые можно назвать подтемами, а также в количестве уровней опосредствованных отношений с предметами, выступающими в роли субподтем и микротем. Такое развертывание означает, что конкретность главного предмета достигается за счет конкретизации элементов его описания. При этом подтемы обеспечивают полноту описания, а субподтемы его глубину.

Содержательной развернутости текста должна соответствовать развернутость применяемых языковых средств, отбор которых должен быть необходимым и достаточным для достижения соответствующей конкретности описания и целостности образа содержания. Недостаточность языковых средств, отобранных в текст, может быть причиной неадекватного понимания замысла автора.

Все это позволяет считать, что текст не может состоять, например, из названия какого-либо одного предмета, поскольку здесь существует большая неопределенность и неоднозначность понимания. В предложении степень конкретизации увеличивается за счет содержащейся в нем предикации. Но эта конкретизация также не является достаточной, так как рамки предложения не позволяют конкретизировать сами предикаты, т. е. оно не обеспечивает необходимую глубину содержательного развертывания. Следовательно, текст не может также состоять из одного предложения. Это всегда некоторая последовательность связанных между собой предложений, которые реализуют содержательное развертывание замысла.

Выше отмечалось, что содержательной развернутости замысла соответствует развернутость языковых средств. Но это соответствие не является однозначным. Развертывание языковых средств может не отражать все шаги развертывания на содержательном уровне, что объясняется двумя основными причинами. Первая из них связана со стремлением языка к экономным средствам передачи сообщения, что приводит к применению таких грамматических конструкций, которые позволяют опускать некоторые лексические элементы и восстанавливать их в процессе декодирования. Другая причина заключается в том, что всякий текст предполагает нечто известное, общее для партнеров по коммуникации, на фоне которого развертывается новая информация. Соотношение новой и известной информации в тексте должно быть оптимальным, что является условием успешной коммуникации. Часть информации, которая, с точки зрения автора, должна быть известной адресату, опускается, за счет чего в тексте возникают так называемые «смысловые скважины» (Жинкин 1958), которые в процессе понимания должны быть восстановлены.

Последовательность текста. Развертывание замысла в полный текст должно осуществляться в определенной последовательности, которая является одним из средств реализации коммуникативной задачи. Содержание, которое должно быть выражено в

тексте, не может быть представлено в нем в том же виде, в котором оно существует в мышлении. Это содержание, будучи мыслительным образованием, организуется на основе своих закономерностей, направленных на обеспечение оперативности мышления, его экономности и т. д. Оно симультанно, т. е. представлено в виде целостных образов, данных как бы в одновременности. В тексте же оно может быть выражено только в виде последовательности языковых единиц, репрезентирующих дискретные фрагменты этого содержания. Поэтому мыслительное содержание, подлежащее выражению языковыми средствами, должно быть определенным образом расчленено и организовано в соответствии с закономерностями линейной структуры текста. Это означает, что при порождении текста должна существовать некоторая схема, отражающая порядок следования элементов содержания. Такая схема составляет композицию текста. В общем виде она находит выражение в замысле. В процессе развертывания замысла композиционная схема детализируется и уточняется.

Композиция текста допускает значительную вариативность следования элементов содержания, которая, однако, имеет определенные ограничения. Так, например, подтемы, будучи соподчиненными элементами содержания и относительно независимыми друг от друга, в принципе могут включаться в текст в произвольном порядке. Тем не менее полной свободы здесь нет. Порядок их следования может варьироваться только в определенном диапазоне, задаваемом конкретной целью коммуникативного процесса. Более жесткую схему распределения имеют субподтемы, являющиеся средством развертывания соответствующих подтем. Поэтому последовательность как один из характерных признаков текста наиболее отчетливо проявляется именно на этом уровне развертывания. Последовательность здесь находит выражение в относительной завершенности развертывания каждой из подтем, а также в порядке следования субподтем внутри каждой из подтем.

Порядок распределения субподтем в значительной степени определяется законами логики. Если главный предмет и подтемы — это то, о чем говорится в тексте, то уровень субподтем с их отношениями — это то, что говорится об этих предметах. Другими словами, эти элементы реализуют процесс развития мысли в тексте, который сопровождается сравнением, противопоставлением, дифференцированием, отождествлением, аргументацией. В нем строятся умозаключения, делаются выводы и т. д. Все это подчиняется логическим правилам, определяющим необходимую последовательность элементов текста, которая обеспечивает непротиворечивость высказываний, выводимость одного положения из другого, доказательность и т. д.

Связность текста. В связи с тем, что линейный характер внешней формы текста не позволяет выражать мыслительное содержание в том виде, в каком оно существует в интеллекте, при его развертывании особое значение имеют средства связности, соединяющие элементы текста в целостную конструкцию. Поэтому связность является фундаментальным свойством текста.

Связность текста осуществляется на разных уровнях его организации: на уровне слов, предложений, отдельных его фрагментов. Применяемые средства связи делятся на внешние и внутренние, причем оба вида связи функционируют на всех уровнях текста, при этом часто параллельно. К внешнему виду связи относится связь, имеющая формальные показатели, выраженные грамматическими или лексическими средствами. Эта связь включает в себя собственно грамматические средства связи слов внутри предложения и грамматику текста, функционирующую на уровне предложений и фрагментов текста.

Если в первом случае формальная связь является регулярной, стереотипной и охватывает все пространство предложения, то во втором случае, как было показано в предшествующем разделе, связь имеет нерегулярный характер и реализуется не на всем пространстве текста, а на отдельных его участках. В различных текстах эти участки могут быть различной длины. Нередки случаи, когда текст вообще не имеет никаких формальных признаков связности. Однако, как правило, отсутствие внешних связей не мешает его восприятию и пониманию, что говорит о том, что в нем применяются какие-то другие средства связи. Это внутренняя связь. При понимании текста внутренняя связь является доминирующей. Она является тем основным средством, которое позволяет воспринимать текст как целостное образование. Отсутствие внутренней связи приводит к непониманию даже в том случае, когда имеется внешняя формально выраженная связь.

Понятие внутренней связи в какой-то степени близко таким понятиям, как «интеграция» (Гальперин 1980) и «целостность» (Леонтьев 1979), отмечавшимся в предшествующем разделе. Но интеграция отождествляется со связью на уровне межфразовых единств, в то время как внутренняя связь имеет глобальный характер и функционирует на всем пространстве текста одновременно с внешней на тех участках, где она имеется. Поэтому этот вид связи ближе к «целостности», хотя, очевидно, между ними также существуют различия. Целостность — это некоторая характеристика результата восприятия внутренне связанного текста, а сама связь — это средство, позволяющее получить данную характеристику.

Таким образом, можно считать, что внутренняя связь является основным средством связности, а внешняя — производной, дополнительной к ней.

Внутренняя связь базируется на общности предмета описания, являющегося тем «стержнем», который проходит через весь текст и как бы «стягивает» все его части в единое целое. «Стержневое» положение предмета описания определяется тем, что при порождении текста его образ удерживается в оперативной памяти автора на все время протекания данного процесса. При понимании происходит прогнозирование темы текста, в состав которой этот предмет входит в качестве ядра с последующим уточнением этого прогноза. «Стягивание» осуществляется за счет того, что предметы, через которые главный предмет получает свое описание, находятся с ним не только в отношении подчинения, иерархии, но связаны с ним также предметными отношениями, отражающими их соотношение в некоторой реальной ситуации. При развертывании замысла эти предметы в силу линейности внешней формы текста оказываются разнесенными по различным его частям. Тем не менее они сохраняют свою отнесенность к главному предмету на основе этих предметных отношений, которые должны быть сформированы в интеллекте человека.

Внутренняя связь, не закрепленная в каких-либо конкретных внешних признаках, может осуществляться за счет отбора слов и применения определенных оборотов, позволяющих как бы стыковать одно предложение с другим так, чтобы вместе они выражали ход мысли (Жинкин 1956). Н. И. Жинкин, анализируя сочинения учащихся, составленные по картине, приходит к интересному выводу, что чем младше школьники, чем хуже сформированы у них умения, тем более широко они пользуются внешними связями. Можно сказать, что эти связи являются у них доминирующими. Старшие школьники, наоборот, строят текст преимущественно на внутренних связях. Внешние связи у них отходят на второй план и выполняют подсобную, подчиненную роль (Жинкин 1956).

Законченность текста. Законченность текста не имеет формальных показателей, она определяется на содержательном уровне. Это интегративный параметр, возникающий на основе таких параметров текста, как развернутость, последовательность, внутренняя связность и др. Все они служат одной цели — формированию целостного образа содержания, соответствующего замыслу автора, при восприятии и понимании текста.

Целостность образа содержания может быть достигнута в том случае, если все основные подтемы и субподтемы, введенные в текст, развернуты таким образом, что позволяют синтезировать тему текста. Другими словами, в них достигнута необходимая определенность и конкретность, за счет чего как бы очерчивается семантическое пространство данной темы, соответствующей данному набору языковых средств. В этом случае текст является законченным.

Если же в текст введены некоторые подтемы, но не реализованы в силу недостаточной развернутости, отсутствия последовательности или связи с другими элементами, то в зависимости от их важности тема или совсем не будет определена, или ее объем не будет соответствовать задуманному автором. В этом случае текст не может считаться законченным. Таким образом, признак законченности оказывается тесно связанным с темой, возможность выделения которой в полном объеме выступает в качестве критерия законченности текста.

Такое понимание законченности текста не является бесспорным, так как существует представление о том, что тематическое единство в принципе не может иметь четких границ. Так, например, Г. В. Колшанский утверждает, что «не существует объективных критериев исчерпанности, ограниченности какой-либо темы» (Колшанский 1978, 31). Он считает, что тема может быть минимальной и узкой по своему объему и тем не менее весьма неопределенной по длине коммуникативного периода. Развивая эту мысль, он приводит пример элементарных житейских тем, таких, как «погода», «встреча», «природа» и т. д., которые, по его мнению, не могут служить отправной точкой для определения некоторого законченного текста как законченного фрагмента конкретного коммуникативного процесса. С этим можно согласиться, если исходить из представления о теме как некотором понятии, существующем в мышлении независимо от каких-либо текстов. Такая тема, действительно, может быть развернута в множество различных текстов или в один текст неопределенной длины. Но в нашем случае речь идет о тексте, который всегда конкретен по своим задачам. Поэтому и тема его конкретна, она ограничена теми языковыми средствами, которые были отобраны в соответствии с замыслом.

В замысле в свернутом виде синтезировано содержание будущего текста, имеющее иерархическую структуру. Элементы этого содержания, выступающие в роли подтем, задают основные линии развития текста и тем самым ограничивают тему по широте. Другие элементы, являющиеся микротемами, как бы отсекают эти линии развития и тем самым задают необходимую глубину развития темы.

В совокупности все эти элементы, предусмотренные замыслом, являются некоторыми точками, очерчивающими определенный фрагмент действительности, о котором будет говориться в тексте, и тем самым задают объем темы данного текста. Поэтому тема текста всегда определена и конкретна, если замысел автора реализован полностью. Это отличает ее от темы-понятия, которая может быть начальным моментом при порождении текста, когда на ее основе зарождается замысел, и конечным моментом, когда тема конкретного текста преобразуется в мышлении в концепт.

Но тема текста может быть определена только в результате понимания. Поэтому судить о законченности текста можно только в результате его содержательного анализа, а не на

основе формальных признаков. Целостный образ содержания, возникающий в интеллекте в результате понимания текста, позволяет выделять текст как дискретную единицу коммуникативного процесса.

Рассмотренные общие признаки текста следует дополнить еще двумя специфическими его признаками.

Глубинная перспектива текста. Определенная совокупность языковых средств может составлять внешнюю форму текста, но не сам текст, если ей не поставлено в соответствие конкретное и целостное содержание. Так как текст — это такое образование, где внешняя форма обязательно переходит во внутреннюю форму, которую составляет целостный образ содержания, то этот переход является наиболее характерным внутренним свойством текста. Поэтому текст следует понимать как единство его внешней и внутренней формы, в связи с чем он представляет собой речемыслительное образование, где языковые, речевые, мыслительные элементы, взаимодействуя между собой, образуют единое целое. Переход от внешней формы текста к внутренней составляет его глубинную перспективу, проходящую через различные этапы этого процесса.

Статика и динамика текста. Внешняя форма текста существует в своем материальном виде подобно другим объектам реальной действительности, хотя и имеет специфические отличия от них. Так же как эти объекты, он может существовать независимо от восприятия. В этом случае текст как материальный объект не содержит в себе ничего, кроме последовательности внешних форм языковых знаков. Они начинают декодироваться и приобретать содержание только в процессе восприятия и понимания, т.е. в результате их взаимодействия с интеллектом, где и формируется содержание текста как некоторое мыслительное образование. Отсюда следует, что содержание не существует вне процесса понимания. Поэтому оно не передается, а возбуждается, вызывается в мозгу человека, воспринимающего текст. В связи с этим текст должен строиться так, чтобы формирование содержания в интеллекте партнера по коммуникации было оптимальным, эффективным и адекватным.

Таким образом, текст имеет как бы два основных состояния: статическое и динамическое. Статическое состояние соответствует тексту, рассматриваемому как некоторый результат, продукт речемыслительной деятельности. Динамическое состояние — это текст в процессе его порождения, восприятия и понимания. Поскольку всякий процесс можно представить себе как переход от одного дискретного элемента к другому, то и восприятие, и порождение имеют промежуточные статические состояния, соответствующие результатам выполнения отдельных их этапов. Подход к тексту как статическому образованию свойственен для лингвистики, которая преимущественно рассматривает способы организации текста на уровне его внешней формы, т.е. языковых единиц.

Процессуальная сторона текста находится в компетенции психологии, которая исследует не результат речемыслительной деятельности, а саму эту деятельность.

Исходя из представления о том, что текст — это единство его внешней и внутренней формы, которое возникает в процессе его понимания, следует считать, что при исследовании текста необходимо одновременно учитывать оба эти его состояния. При этом внутренняя форма является доминирующей. Она является тем фундаментом, на котором строится текст, поскольку управляет на уровне замысла процессом его порождения и тем самым организует его внешнюю форму: осуществляет распределение слов, связь предложений, интеграцию отрезков текста в единое целое. В этом смысле она является первичной по отношению к внешней форме. Следует считать, что истинная связность, целостность текста базируется именно на основе внутренней формы, т.е. мыслительного содержания, а внешние их признаки — лишь частичная их экспликация на поверхностном уровне.

В процессе понимания, хотя он управляется со стороны языковых единиц, внутренняя форма, как будет показано, также играет значительную роль благодаря свойству мышления прогнозировать мыслительное содержание. Отсюда становится ясно, что при исследовании текста основное внимание должно быть сосредоточено на изучении именно внутренней его формы в ее соотносительности со средствами выражения. Между тем, как показывает анализ существующих работ, текстовая проблематика решается преимущественно со стороны его внешней формы, что не позволяет получить достаточно полное представление о его содержательной стороне.

Заключая общее рассмотрение текста как речемыслительной единицы, необходимо остановиться на понятии «семантика текста» и определить, что оно в себя включает. Несмотря на то, что термин «семантика текста» является довольно употребительным, четкого и достаточно полного его определения не существует.

Значение данного термина, как можно думать, противопоставлено какой-то другой семантике, в частности, очевидно, семантике языковых единиц. В то же время есть в нем нечто, что заставляет предполагать что-то общее, аналогичное между этими видами семантики.

Упрощая суть дела, можно сказать, что значение — это то, что соответствует в сфере мышления материальной стороне языкового знака. По аналогии с этим можно считать, что

семантику текста составляет некоторое мыслительное образование, которое поставлено в соответствие внешней форме текста в целом, т. е. это своего рода значение текста как некоторой целостной единицы. Эта аналогия является, естественно, условной, так как в основе образования и функционирования этих значений лежат различные механизмы.

Лексическое значение органически присуще слову и с той или иной степенью точности фиксируется в словаре.

Мыслительное образование, выступающее как бы в роли значения текста, нигде предварительно не зафиксировано. Оно возникает каждый раз при восприятии текста как результат его понимания.

Главное же заключается в том, что такое значение текста, образуясь посредством значений языковых единиц, составляющих текст, не сводится к сумме значений этих единиц. Здесь происходит качественный переход. Поэтому такой результат понимания не является значением в том смысле, в каком понимается это слово применительно к языковому знаку.

Это образование до сих пор мы называли мыслительным содержанием текста, составляющим внутреннюю форму. Обычно же для его обозначения применяется выражение «смысл текста» или «общий смысл текста». Но смысл обычно понимается как все то, что возникает в сознании в результате понимания текста. Понимание же — сложный интеллектуальный процесс, который не заканчивается на уровне переработки текста. Он продолжается дальше на уровне мышления, в результате чего непосредственный результат понимания данного текста, возбуждая различные связи и отношения, «обрастает» дополнительными компонентами не только познавательного, но и эмоционального, субъективного, прагматического характера. Эти дополнительные компоненты, являясь вторичными, производными по отношению к результату понимания, тем не менее образуют с ним единство, которое приобретает недискретный характер. В связи с этим смысл текста в таком понимании предстает как достаточно обширная и недифференцированная область сферы мышления, которую трудно локализовать, а следовательно и определить его структуру. Поэтому целесообразно считать, что семантику текста составляет мыслительное образование, которое соответствует непосредственному результату понимания. Этот результат существует в виде той информации, которая возбуждается в интеллекте непосредственно под воздействием совокупности языковых средств, составляющих данный текст, а также той информации, которая привлекается для его понимания. Это то, что составляет содержание текста. Следовательно, говоря о семантике текста, в дальнейшем мы будем иметь в виду содержание текста в его отношении к средствам его выражения.

Содержание текста также характеризуется целостностью, но в отличие от смысла, оно структурно, так как в нем можно выделить дискретные элементы и отношения между ними, в связи с чем и можно говорить о внутренней форме текста. Вопрос заключается в том, чтобы определить, что конкретно представляют собой эти элементы, выступающие в качестве единиц содержания, и какие между ними существуют отношения, т. е. определить структуру содержания текста.

Поскольку содержание связано с процессуальной стороной текста, то для ответа на этот вопрос необходимо рассмотреть психологические закономерности его понимания и порождения.